

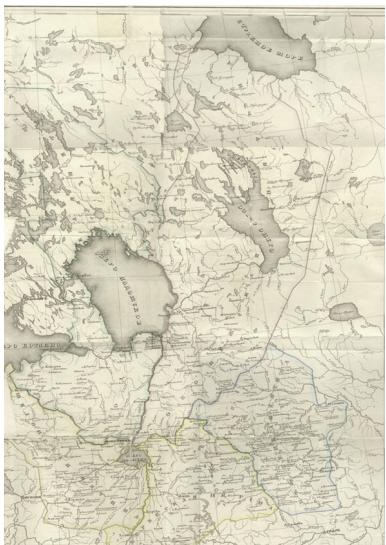
Финляндии, сюжеты карельской истории практически отсутствуют в зарубежных исследованиях. И даже в рамках российского историографического дискурса она интересует сравнительно небольшую группу специалистов, в основном из самой Карелии, результаты исследований которых не всегда учитываются другими.

Но периферия одного государства часто обеспечивает связи с другим государством. И это, безусловно, верно в случае Карелии. Благодаря открытым границам она — мост между Россией и Финляндией, реализуемый также посредством научных контактов, совмещения историографических дискурсов.

Данная коллективная монография — результат длительного сотрудничества соавторов — коллег из России и Финляндии, каждый из которых уже много лет работает в той или иной области собственных научно-исследовательских интересов. Помимо предисловия Юкки Корпела, книга состоит из восьми глав различной тематики, написанных тремя авторами из Финляндии и шестью из России.

Читателю предстоит обнаружить множество связей между главами, уловить общую основу используемых исторических источников, убедиться во взаимном дополнении сообщаемой информации и неоднократном пересечении аргументов. Как объявлено в Предисловии, авторы не намеревались представлять единую позицию по всем вопросам. Коллективная монография предлагает не только исчерпывающий актуальный обзор исследований по истории Карелии периода раннего нового времени. В определённой степени книга явилась отражением продолжающейся на протяжении многих десятилетий историографической дискуссии. Абсолютно согласен с решением (с. 18) отказаться от единой абстрактной терминологии. Следование ей, безусловно, создавало бы опасность двусмысленных толкований в зависимости от контекста, и часто не соответствовало бы значению ключевых терминов в исторических документах. Только в случае сравнительных подходов на теоретико-обобщающем уровне рекомендуется абстрактная унифицированная терминология. Но, насколько это возможно, даже тогда она должна основываться на документальных источниках с присущим им смысловым содержанием¹.

¹ См. подробнее о моей позиции по данному вопросу: *Steindorff L. Caesurae and Bifurcations in the History of the Russian Middle Ages and of Old Russia / Ludwig Steindorff // Новое Прошлое=The New Past. 2020. № 3. С. 222—229. URL: <https://newpast.sfedu.ru/archive/vityaz-na-raspute-3-2020/russkoe-srednevekove-lost-in-translation/> [1].*

В «Предисловии» (с. 7–18) **ЮККА КОРПЕЛА** предпринял обзор ответов, сформулированных в историографии начиная с XVIII века, на вопрос «Чья Карелия?». Ответы зависели от политических предпосылок и идеологических установок авторов: от того, видели они в Карелии периферийную неотъемлемую часть России, или часть Великой Финляндии, или субрегион с присущей ему собственной специфической идентичностью. Ответы, конечно, переплетаются с вопросами: в какой степени подтверждена конкретная карельская этническая идентичность и есть ли тенденции к формированию современного карельского национального самосознания? И, не говоря уже о присутствии Карелии в заголовке, сама книга, конечно же, является вкладом в историю тех, кто считали себя карелами ис- покон веков.

В более древнем российском, а также в шведском историографическом дискурсе власть над Карелией рассматривалась как оборонительная стена, чтобы избавиться от опережающих претензий с другой стороны: будь то зона западного или восточного христианства. Авторы не намереваются опровергать выводы предшествующей историографии, если они сделаны в соответствии с правилами историографической методологии. Каждое поколение просто задает другие вопросы, и мы должны принять диалектику прогресса в методах и идеях. Как указывает Юкка Корпела все авторы старались избежать эссенциализации исторических явлений, чтобы современные концепции нации и государства не отразились в толковании прошлого. Существует одна центральная предпосылка, из которой следует исходить всем исследователям, обращающимся к вопросам этногенеза и форм идентичности (с. 14). Категории культуры, включая религию, этнос, генетику и язык, являются независимыми друг от друга. Развитие состояния общества в любой из этих сфер не вызывает автоматических подвижек в другой. Несмотря на происходящие перемены, генетический фонд оказывается достаточно устойчивым. Изменения в языковой практике, культуре и религии в определённом регионе не обязательно являются доказательством, что имели место крупные колонизационные движения. Это относится и к Карелии, что ещё раз подчёркивает Юкка Корпела (с. 34).

Вначале Московия была заинтересована только в получении доступа к природным ресурсам карельского региона для налогообложения. Однако вскоре элита автохтонного населения обнаружила преимущества в смене веры и языка. Те, кто не был готов принять наступавшие перемены, ушли или были соответствующим образом оттеснены в ещё более отдалённые районы. Государственные структуры укоренялись в процессе медленного проникновения, а не путём подчинения и колонизации.

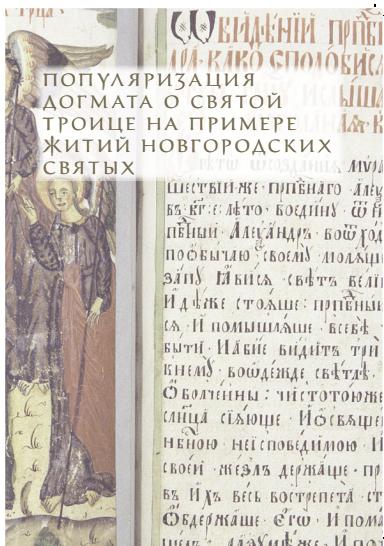
Книга призвана стать вкладом не только в историю Карелии, но и в характеристику Российской Империи, которая смогла интегрировать различные культуры и позволила им их дальнейшее сосуществование. Империя не была заинтересована в запланированной ассимиляции и навязывании ценностей центра культурам на периферии. Она опиралась на лояльность местных элит.

Тем не менее, следует отметить, что карьера вне периферии, в пределах всей Империи, была связана с определённой степенью ассимиляции. Помимо верности правителю и государству наиболее важными условиями являлись крещение в православие и знание русского языка. После выполнения этих требований путь к карьере был открыт независимо от этнического происхождения и прежних политических взглядов. Было бы интересно проследить более си-

Раздел **КАТИ ПАРППЕЙ** «Валаам и первые монастыри в Карелии» (с. 55—68) опирается на её монографию о формировании образа Валаамского монастыря в историографии [2]. Общеизвестно, что в средневековой Западной Европе созданию сети церковных приходов предшествовало доминирование в ландшафте монастырей. Несмотря на большую популярность Валаама в наши дни, с точки зрения исторического процесса основание монастыря на Соловецких островах, а несколько десятилетий спустя — монастыря Александра Свирского — имело большее значение. Только благодаря осознанной стратегии формирования образа монастыря на Валаамском острове в Ладожском озере как имеющего очень древние корни и многочисленные особые традиции, а также из-за относительной близости к столице, в XIX веке Валаам превзошёл другие монастыри региона как наиболее привлекательное место для паломничества.

Лишь на первый взгляд раздел **ИРЭНЫ КАРВОНЕН** «Популяризация догмата о Святой Троице на примере житий новгородских святых» (с. 69—106) не вписывается в общий замысел. Автор анализирует шесть житий святых, связанных с Новгородом, в том числе Александра Свирского. Какую роль играет Святая Троица в житийном повествовании? Как она обозначается и как упоминается: в целом или с указанием трёх ипостасей? Автор успешно прослеживает явно возраставшую роль Троицы от ранних к поздним житиям и переход от Троицы с Авраамом в Ветхом Завете к представлениям об образе в Новом Завете. Ирэна Карвонен связывает это развитие с активным вмешательством в традицию Макария, архиепископа Новгородского, позднее митрополита Московского. Он поддерживал концентрацию внимания на Троице в борьбе с нонконформистскими, даже еретическими идеями, на пути к стандартизации догматической позиции церкви и агиографических образов. Это должно было содействовать интеграции регионов на периферии Московского государства, включая Карелию. Возникновение культа Александра Свирского как местного покровителя соответствовало этим намерениям. Абсолютно согласен с автором в том, что жития служили не только для сохранения памяти и культа святого, но также в дидактических целях и для передачи догматического учения.

Согласен с автором в том, что жития служили не только для сохранения памяти и культа святого, но также в дидактических целях и для передачи догматического учения.

Раздел **ИРИНЫ ЧЕРНЯКОВОЙ** и **ОЛЕГА ЧЕРНЯКОВА** «Карельская периферия и государственное администрирование: от воеводской избы до губернского правления» начинается с цитирования утверждения Валлерстайна и Балибара о шансах на новые исторические открытия: необходимо исследовать конкретные конstellации на фоне глобальных структур, частью которых они являются. Цитата может служить исходным условием для региональных и/или микроисторических исследований в историографии в целом. Глава (с. 107—138) состоит из двух частей. Первая (до с. 122) посвящена составу населения Карелии с середины XIX до начала XX века. Основ-

ным внешним маркером идентичности карелов был их язык. Культура почти не отличала их от русских в этом регионе. Карелы составляли около 22% населения в 1897 г., их проживание было сконцентрированным в нескольких субрегионах. Конечно, можно задаться вопросом у скольких русскоязычных были предки, говорившие по-карельски? Изменить языковую практику было легко, потому что это не касалось религиозной идентичности! Кстати, раздел — как и вся монография — убеждает в том, что в до-современные времена самым сильным отличающим фактором была вера: православные карелы переселились в XVII веке из тогдашних шведских территорий на другие православные территории. В какой степени формальная дифференциация между карельским и финским языками является вторичной дифференциацией, на которую влияет первичная дифференциация на основе веры?

Поразительный рост населения с 1865 г., очевидно, был связан не только с миграцией, но и с улучшением условий жизни и снижением смертности, помимо всё ещё высокой рождаемости, которая была характерна для фазы демографического перехода.

Во второй части раздела авторы прослеживают развитие административного управления в ходе государственного строительства снизу с середины XVII века. Они обращают внимание на то обстоятельство, что наличие крепости не обязательно предполагало присутствие воеводы. Авторская аргументация опирается на многочисленные графики и таблицы. Диаграмма на с. 125 служит наглядной иллюстрацией того, как много изменений в формате административных структур произошло за первые 150 лет усиления государственного присутствия в регионе.

В разделе **МАРИИ ПРОСКУРЯКОВОЙ** «Служилые иноземцы и предприниматели в Карелии второй половины XVII века» (с. 139—228) освещается период двух различных устремлений российского государства получить прибыль от ресурсов Карелии. Первое связано с попытками с 1649 по 1666 год учредить военизированное приграничье, где в основном иностранные офицеры и сержанты должны были подготовить солдат из местного населения. Крестьяне были освобождены от налогов, но были обязаны являться для обучения и в случае необходимости служить более длительный срок. Стабилизация пограничного режима с Олонцом как центральным поселением-крепостью не удалась по разным причинам: путь от деревень до мест тренировок был слишком далёким и занимал слишком много времени, крестьяне были разочарованы тем, что их привлекли к участию в подавлении восстания в Пскове на территории России вместо службы в Карелии на случай шведской агрессии. Помимо общих проблем в общении между командным составом и крестьянами, возникла ещё одна причина недоверия к иностранцам, когда патриарх Никон в 1652 г. запретил православным служить в не православных семьях. Нехватку офицеров так и не удалось преодолеть. Что касается сержантов, то иностранцев иногда заменяли набравшиеся опыта местные жители.

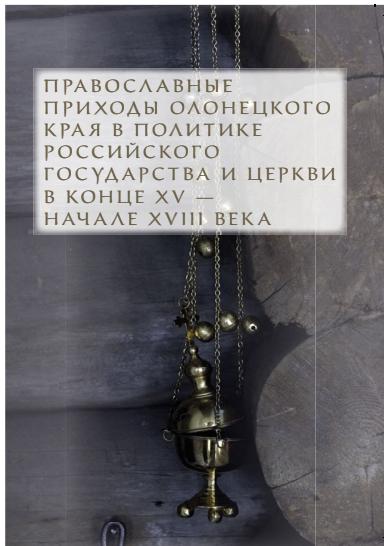
Когда мы сравниваем исходные условия организации обороны приграничья в Карелии с одной стороны и в империи Габсбургов с другой, становится очевидным, почему одна вскоре оказалась неудачной, а другая действовала более 200 лет. В Карелии угроза со стороны границы была менее конкретной, а природные условия — менее благоприятными. Граница Габсбургов была заполнена колонистами, частично в регионах, которые были очень плодородными и обеспечивали благоприятные условия для жизни.

Больше всего автора интересует личный состав иностранного военного персонала. Её исследования опираются на богатую российскую архивную документацию, а также на базу данных о шотландских офицерах, которую ведёт Сент-Эндрюсский университет. Большинство военных были выходцами из Шотландии. Когда-то установившиеся связи побудили их уехать в Карелию. Многие из них были сыновьями или внуками лиц, прибывших в Россию ещё в Смутное время. Многие перешли в православие. Это было не только средством повышения шансов на карьеру, но позволяло жениться на русских или карельских женщинах! Интересно, можно ли проследить абсолютно ассимилированных потомков таких браков сто лет спустя. Читателю легко следить за выводами благодаря таблицам, в которые внесены имена.

Примерно в то время, когда было принято решение о ликвидации военной службы местных крестьян, Карелия стала модельной территорией дляproto-индустриализации. Голландский купец Марселис, который также упоминается, например, в отчёте Адама Олеариуса о поездке голштинских послов в Московию и Персию 1635—1639 гг., в 1664 г. провёл первые разведочные работы по добыче руды и предложил развивать чугунолитейное производство для изготовления пушек и другого оружия. Хотя первым право на разработку получил новгородский купец Гаврилов, когда он окончательно потерпел неудачу в 1674 г., иностранцу Марселису была предоставлена лицензия.

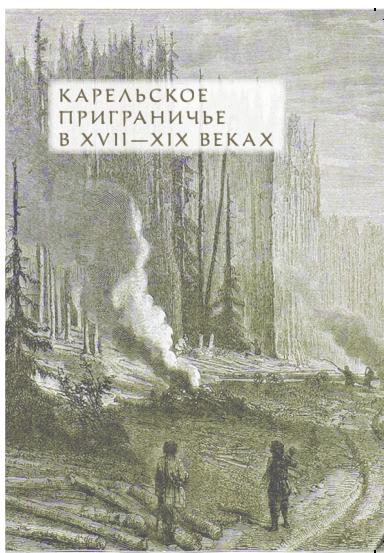
После его смерти в 1678 г. его сын передал управление А. И. Бутенанту (вероятно, первоначально Бутенандт — фамилия, хорошо известная в Германии), который столкнулся с сопротивлением местного населения, пытавшегося предотвратить возведение горнодобывающих объектов и фабрик. Начавшееся в 1685 г. восстание было подавлено с помощью войск в 1687 г. В 1703 г. российское государство в лице Меншикова взяло на себя предприятие по оснащению флота и, по-видимому, без какой бы то ни было компенсации Бутенанту.

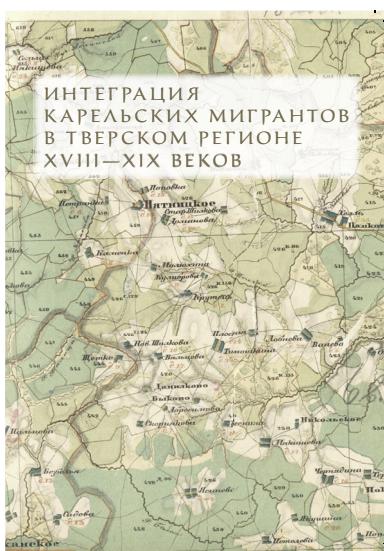
ЕВГЕНИЯ СУСЛОВА в разделе «Православные приходы Олонецкого края в политике Российского государства и церкви в конце XV — начале XVIII века» (с. 229—302) анализирует развитие церковно-приходской системы во многих аспектах. Как она заявляет вначале, в дореволюционные времена помимо деревенской общины и семьи приход был одним из решающих интегрирующих факторов. Создание сети приходов было не только аспектом включения региона в государство, но и служило для христианизации в смысле принуждения к принятию догм, построения церковной иерархии и навязывания христианского социального учения. Несмотря на то, что развитие сети приходов в Карелии в основном связано с периодом более поздним, чем включение Новгородской земли в Московское государство, автор отслеживает наличие приходских церквей как религиозных центров погostов с давних времён.

Евгения Суслова очень внимательно учитывает предшествующие исследования и излагает их результаты, анализируя авторские позиции, в том числе Петра Стефановича. Из-за сравнительно небольшой численности населения количество приходов в Карелии никогда не было очень большим, но оно росло волнами. Часто приходы имели дочерние церкви или часовни, которые впоследствии сами становились приходскими центрами. Во многих случаях рядом с церковью существовал небольшой монастырь под руководством игумена. Такие монастырьки не должны считаться монашескими общинами, они функционировали наподобие богаделен как прибежища для нищих. Из-за отсутствия белого духовенства игумен, будучи

членом чёрного духовенства, действовал в роли приходского священника. Это чем-то напоминает ситуацию в позднесредневековой и османской Боснии, где пастырская забота находилась исключительно в руках францисканских монахов. Позднее стало достаточно белого духовенства, но численность церковных причетников, также как священников, всегда оставалась меньшей, чем в среднем по России. В соответствии с более низкой степенью феодализации и более слабым влиянием иерархии церковные приходы в Карелии фактически сохранили большую автономию, чем в Центральной России. Степень утверждения официальных форм православия не была высокой из-за обычаев, которые рассматривались как суеверия, соответственно составляя часть бытового православия, а также из-за присутствия старообрядцев. Статья сопровождается многочисленными картами и таблицами.

ИРИНА ЧЕРНЯКОВА в разделе «**Карельское Приграничье в XVII–XIX веках**» (с. 303–380) обсуждает ставки налогообложения в зависимости от качества земли и размеров земельных наделов. Из распределения налоговых ставок примерно в 1870 г. очевидно насколько преобладали лесом покрытые площади, которые в принципе считались государственной собственностью, и насколько мала была доля обрабатываемых земель и пастбищ. Как также демонстрируют графики и таблицы, большинство домашних хозяйств не могли прожить за счёт сельского хозяйства, но средний доход увеличивался за счёт дополнительных занятий, особенно благодаря различным ремеслам или даже разносной торговле в Финляндии в зимнее время. Многие хозяйства получали прибыль от охоты. Меха традиционно продавались на ярмарках в Шуньге. Регион оставался изолированным из-за очень плохой дорожной сети. Когда была построена железная дорога на Йоэнсуу, доставку товаров в Финляндию стало легче организовать, чем в Санкт-Петербург. Кстати, автор обращает внимание на донесение Вильгельма фон Тизенгаузена из конца XVIII века. Ему были известны дороги вдоль границы, о которых забыли к концу XIX века. Транспортировка и размещение паломников на Соловки были значительным экономическим фактором на водных путях.

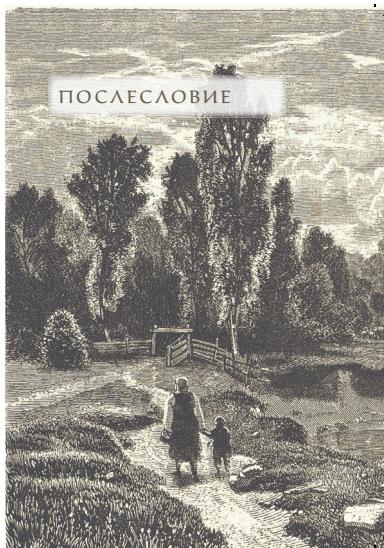
Последний раздел коллективной монографии, написанный **ТАТЬЯНОЙ ЛЕОНТЬЕВОЙ** и **АННОЙ ОСИПОВОЙ** «**Интеграция карельских мигрантов в Тверском регионе по документам местной администрации в XVIII–XIX веках**» (с. 383–448) посвящён карелам, мигрировавшим тремя волнами в XVII и начале XVIII веков из Карелии в Верхнее Поволжье. Их мотивировало давление со стороны властных структур Швеции и ожидание найти более комфортные условия для жизнеобеспечения. В пределах нового региона проживания миграция продолжалась. Поселенцы предпочитали отдалённые районы. Неужели из-за опасности экстрадиции в Швецию (с. 410)? Могли ли такие экстрадиции православного населения в лютеранское государство быть обычным делом, а не редким исключением? Разве не было определяющим в процессе расселения то, что мигрантам приходилось искать всё ещё остававшиеся не заселёнными местности? Не старались ли они как можно дольше держаться подальше от налоговых властей и феодалов? Другая причина, несомненно, заключалась

© Штайндорф Л., 2021 * © CARELICA, 2021

в лучших шансах сохранить свои привычки, сохранить карельскую идентичность. Авторы подчёркивают то же явление: сильную религиозность карелов. И в то же время отмечают сравнительно невысокую степень воцерковленности, отчасти из-за отсутствия катехизических материалов на карельском языке. Только одно Евангелие было окончательно переведено на карельский в 1820 г. Одним из факторов стабилизации стало формирование «династий» приходских священников. Сравнительно молодой Нило-Столобенский монастырь, возникший как раз в те десятилетия, когда карелы-мигранты заселяли этот регион, очевидно, превратился в привлекавший их духовный центр (с. 433)¹.

И все же в русском окружении ассимиляция и полная интеграция в русский мир оказались лишь вопросом времени. То обстоятельство, что карелы делали пожертвования и «русским» церквам (с. 446), может служить указанием на то, что субъективно ощутимые отличия карельских общин от местных русских сообществ не были слишком значительными. Различные комбинации языковых практик напоминают о современном опыте мигрантов в их новом окружении. В то время как одни включали иногда русское слово в карельский язык, другие знали как карельский, так и русский языки, а кто-то вообще говорил по-русски, сохраняя в употреблении только некоторые карельские слова. Число тех, кто считали себя карелами и знали карельский, уменьшалось на протяжении десятилетий, но и до сих пор карельское меньшинство составляет 7000 человек. Что касается меня, то я вряд ли могу согласиться с констатацией успешного строительства нации именно в Тверской Карелии на основе недолгого существования Карельского национального округа с 1937 по 1939 год — своего рода карикатуры на политику коренизации. Наоборот, несмотря на ослабление позиций карельского языка и отсутствие каких-либо тенденций к формированию карельской нации, более старые исторические предпосылки, в том числе прежняя роль карельского языка, способствовали возникновению прочной карельской региональной идентичности в Республике Карелия.

В «Послесловии» ИРИНА ЧЕРНЯКОВА и ТАТЬЯНА ЛЕОН-ТЬЕВА кратко резюмируют рабочий процесс по объёму и основным направлениям коллективного исследования: Карелия на российской периферии, роль российско-шведской границы, подъём карельской diáspora, функционирование империи, в которой господство русской православной культуры не ставилось под вопрос, но которая в то же время оказалась способной и готовой принять существование меньшинств с их самобытной идентичностью до тех пор, пока их лояльность государству была гарантирована.

Только прочитав всю книгу, я понял, что повествовательные источники не играют никакой роли в главах. Это может быть связано с интересом авторов, которые в значительной степени концентрируются на методах социальной истории и опираются на типы источников массового характера, которые также позволяют количественные оценки. Но главная причина, очевидно, заключается в отсутствии в самой Карелии каких-либо традиций до-модернистской историографии, что объясняется и поздней христианизацией, и поздней интеграцией в государственные структуры.

¹ Несмотря на то, что Изольда Тире (Isolde Thyrêt) не упоминает о Тверской Карелии, я хотел бы обратить внимание на её недавно изданную книгу, посвящённую исследованию традиций и инноваций в культе Св. Нила Столобенского [4].

